

Открытое письмо директору Музея кино

Господин Клейман! *Наум*

Вынужден сказать несколько слов, касающихся того фрагмента вашего интервью "Газете", где упоминается моя фамилия. Напомню читателям: на замечание корреспондента "Газеты" (05.04.02 №64 (116) о договоре аренды за помещения, занимаемые музеем, вы отвечаете следующее: "Это не договор, а телефонное право. Позвонил Швыдкому заместитель Ибрагимбекова Константин Щербаков, бывший замминистра, с истерикой и слезами, хотя он присутствовал на совещании по поводу огосударствления музея от имени конфедерации".

Пересказывать, да еще не скупясь на детали и подробности, телефонный разговор, при котором вы не присутствовали, а значит, не можете знать его содержания и обстоятельств, — это поступок глубоко непорядочный. По моим понятиям, во всяком случае. Как по вашим — не знаю.

Подслушивающее устройство, что ли, вы установили в кабинете министра, и оно донесло мои рыдания до вашего слуха? Подобные эскапады от благородных традиций отечественной интеллигенции тоже, должен заметить, далековаты.

Поближе все это — к тому беспределу, который демонстрируют нынче, например, руководители СК России, выкидывая на основе собственных приказов содержимое из чужих шкафов и столов и при этом искренне, видимо, не понимая, что им теперь до конца дней не отмыться. Но чтоб просветитель, знаток Эйзенштейна... Признаюсь, не предполагал. Такие вот жизненные кульбиты.

А на совещании, о котором вы упоминаете, я действительно присутствовал. И не только присутствовал, но и подписал протокол, где, в частности, содержится призыв создать вам, как директору Музея кино, условия наибольшего благоприятствования. Это вы предпочли до сведения читателей не доводить.

О подписи своей не жалею, ибо руководствуюсь правилом: в самых сложных, конфликтных ситуациях до последней возможности сохранять надежду, что оппоненту не чужды понятия приличий, совести и достоинства. В случае с вами надежда, увы, не сбылась.

*Культура. — 2002. —
11-17* Константин
апр. — с. 2 ЩЕРБАКОВ